
Пепел
Исповеди
Финн Грей
18+

Финн Грей

Пепел Исповеди

«Автор»
2026

Грей Ф.

Пепел Исповеди / Ф. Грей — «Автор», 2026

Академия Святого Факела — место, где мальчиков учат не наукам, а страху. Здесь «очищают» души, выбивая из них всё, что не вписывается в каноны праведности. Здесь молчат учителя, исчезают ученики, а крики из подземелья заглушаются молитвами.Марек Торн преподаёт древние письмена и астрономию. Он холоден, замкнут, никому не доверяет. Восемь лет он делал вид, что не замечает тьмы, в которой живёт академия. Восемь лет он прятал собственную тайну — ту, за которую ректор Корвин отправляет в каменные мешки.Однажды он находит дневник погибшего ученика. Записи в нём — не просто признания в запретной любви. Это список имён, дат, свидетельств. Это ключ к системе, которая убивает таких, как они.Вместе с братом погибшего, Эдвином, который живёт под чужим именем, и учителем живописи Хейлом, чья улыбка скрывает старые шрамы, Марек вступает в игру, где ставка — жизнь.Но чем ближе он к правде, тем яснее понимает: правда не освобождает. Она сжигает.

© Грей Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дневник под полом 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Финн Грей
Пепел Исповеди

Глава 1. Дневник под полом

(Город Керн-Эш, Империя Серебряного Престола, Академия Святого Факела, 12 день Убывающей Луны, год 1048 от Великого Раскола)

Дождь в Керн-Эше был особенным. Он не лил, как в прибрежных низинах, и не моросил, как в северных топях. Он сочился - медленно, настойчиво, проникая в каждую трещину серого камня, в каждую щель деревянных рам, в каждую пору кожи. Марек Торн стоял у окна своей тесной комнаты и смотрел на воду, стекающую по толстому стеклу. Его лицо оставалось неподвижным - ни тени беспокойства, ни намёка на усталость. Он умел держать маску. За восемь лет в Академии Святого Факела он научился не показывать ровно ничего. Коллеги считали его ледяным, ученики - пугающим, а сам Марек знал, что внутри него давно выжжено всё, что могло бы гореть.

Он был высок, худощав, с резкими скулами и глубоко посаженными тёмными глазами, которые редко задерживались на ком-то дольше необходимого. Его русые волосы давно посерели у висков, и это придавало ему вид человека, который прожил вдвое больше своих тридцати двух лет. Он никогда не повышал голоса. Никогда не улыбался без нужды. Никогда не задавал лишних вопросов.

Это было его правилом.

Академия Святого Факела была фабрикой по производству чистых душ. Здесь из мальчиков выбивали «порочные» мысли с помощью цепей, поста и долгих часов в каменных мешках. Ректор, праведный Корвин, называл это «очищением». Марек называл это просто — работой. Он не одобрял методы, но и не вмешивался. Он учил древним письменам и астрономии, делал вид, что верит в Искоренителя, и каждую ночь притворялся, что не слышит криков из подземелья.

Он слышал. Но не позволял себе чувствовать.

Три раза в декаду из-под земли доносились приглушённые вопли. Марек сидел за столом, перелистывал страницы старых трактатов и ждал, пока они стихнут. Он не спрашивал, кого «очищают» сегодня. Это мог быть вор, мог быть бунтарь, мог быть юноша, чей взгляд задержался на другом юноше слишком долго. Марек знал, что последнее — самый тяжкий грех в глазах Корвина. И он знал, что сам носит этот грех в себе.

Но он никогда не говорил об этом вслух. Никому. Даже себе.

Особенно себе.

У него была одна слабость — мастер Хейл. Учитель живописи появился в академии год назад — высокий, широкоплечий, с пронзительными синими глазами и тёплой улыбкой, которая не вязалась с этим мрачным местом. Марек замечал его взгляд, когда они случайно пересекались в коридорах. Он ловил себя на том, что запоминает, какой плащ Хейл надевает по вторникам и какой шейный платок — по пятницам. Он никогда не подходил к нему первым. Никогда не задерживался в разговоре. Но внутри, глубоко под слоями льда, что-то трепетало.

Он ненавидел это чувство. Он давил его, как давил всё остальное.

Сегодня утром он нашёл дневник.

Это случилось случайно. Ножка стула расшаталась, и Марек решил починить её сам, чтобы не вызывать плотника. Он отодвинул ковёр, наклонился — и увидел, что одна из половиц сдвинута. Он нажал на край. Доска легко отошла.

В углублении лежала книга. Маленькая, в потёртой чёрной коже, с медным замочком, болтающимся на сломанной петле. Замок был взломан.

Марек поднял книгу. Пальцы не дрогнули. Он сел на край кровати, открыл первую страницу и начал читать ровным, бесстрастным взглядом.

«1 день Цветущей Луны. Сегодня я понял, что люблю его. Не так, как любят брата или друга. Я смотрю на Эдвина, и моё сердце останавливается...»

Он узнал почерк мгновенно. Это был Вильям Кроу — рыжеволосый мальчик с веснушками, который исчез две недели назад. Официально считалось, что он сбежал в Керн-Эш. Неофициально Марек помнил, как в последний раз видел его идущим к западному крылу.

Он продолжал читать. Страница за страницей. Без эмоций. Без дрожи.

«15 день Цветущей. Я написал ему письмо. Я признался. Он не ответил...»

«20 день Цветущей. Эдвин ответил. Он сказал: Я тоже. Я тоже люблю тебя, но мы не можем...»

Марек перелистывал страницы, и его лицо оставалось непроницаемым, как каменная плита. Он читал о страхе, о молитвах, о том, как Корвин вызывал Вильяма и говорил: «Искоренитель видит всё». Он читал о записках под дверью: «Ты следующий». Он читал о том, как мальчик переставал есть и спать, видя во сне подземелье.

И только когда он дошёл до последней записи, написанной не Вильямом, а другим, более твёрдым почерком, внутри него что-то дрогнуло.

«Вильям умер. Они убили его. Корвин лично провёл обряд очищения. Он молился над ним пять часов. Я слышал, как Вильям кричал моё имя. Я был прикован в соседней камере. Если вы читаете это — помогите. Они убивают нас. И называют это любовью к Искоренителю».

Марек закрыл книгу. Медленно. Аккуратно. Он положил её на стол, встал, подошёл к окну и посмотрел на дождь. Его руки не дрожали. Его дыхание было ровным. Снаружи капала вода, внутри — ничего.

Ничего, кроме тяжёлого, холодного камня там, где у нормальных людей бьётся сердце.

Он знал, что должен сжечь дневник. Это было бы разумно. Безопасно. Он сунул книгу под плащ и вышел в коридор. Академия была пуста — ученики на занятиях, учителя в трапезной. Марек шёл к архиву, где был камин, и на полпути остановился.

Он смотрел на дверь западного крыла. За ней было подземелье. За ней были крики. За ней был Вильям, который уже не кричал.

Марек развернулся и пошёл к той двери.

— Вам сюда нельзя, — сказал стражник, появившийся из ниоткуда. — Приказ ректора.

— Мне нужно поговорить с Корвином, — голос Марека был ровным, как струна. — Дело о сыне наместника Харроу.

Стражник нахмурился, но отступил. Марек спустился по лестнице. Запах сырости и металла ударил в ноздри. Он прошёл мимо двух пустых камер и заглянул в третью.

Там лежал мальчик. Тонкий, бледный, с вывернутой левой рукой. На стене висел кожаный ремень с металлическими вставками.

Стефан Блек. Тот самый, кто любил запрещённые баллады.

— Стефан, — сказал Марек без интонации. — Ты меня слышишь?

Мальчик повернул голову. Губы его зашевелились.

— Он убил Вильяма. Корвин. А Хейл сказал, что Вильям сам виноват.

Марек не вздрогнул. Он только сжал челюсти чуть крепче.

— Дневник у тебя? — прошептал Стефан. — Вильям сказал, что ты единственный, кому можно верить.

— Я нашёл его, — сказал Марек. — Где остальное?

— Эдвин забрал. Он жив. Он здесь — под именем Грейва. Архивариус. Приходи сегодня в полночь в старую оранжерею. За кладбищем. Он всё объяснит.

По лестнице застучали шаги. Марек выпрямился, но не успел отойти. В проходе стоял Корвин. Рядом — Хейл.

— Учитель Торн, — голос ректора сочился сладостью. — Какими судьбами?

Марек стоял неподвижно. Дневник жёг грудь под плащом, но лицо его оставалось маской.

— Я искал вас, праведный. У меня есть сведения о побеге Вильяма Кроу. Он писал мне о намерении бежать в Северные земли.

Корвин прищурился.

— Вильям мёртв. Замёрз в болотах. Тело нашли вчера.

— Я не знал, — соврал Марек без запинки.

— Врёте, — сказал Корвин. — Но я ценю ваше рвение. Идите в свою комнату. Завтра жду прошение об отставке.

Марек кивнул и пошёл мимо них. Проходя мимо Хейла, он почувствовал короткое прикосновение к локтю — едва заметное, но тёплое. Он не обернулся.

Вернувшись в комнату, он запер дверь. Он стоял посередине комнаты, глядя на дневник, лежащий на столе. В голове было пусто и тихо. Он думал о Вильяме, о Стефане, о том, что Корвин убивает мальчиков за то, что они любят не тех. Он думал о себе. О том, как восемь лет он делал вид, что ничего не видит.

Он не заплакал. Он никогда не плакал.

Он просто взял дневник, открыл последнюю страницу и прочитал ещё раз слова Эдвина: «Я знаю вашу тайну. Я знаю, что вы такой же, как мы».

Марек закрыл книгу. Его лицо по-прежнему ничего не выражало. Но внутри — там, где должен был быть лёд, — впервые за много лет что-то треснуло.

Он спрятал дневник под половицу. Выпрямился. И сказал вслух, голосом без единой эмоции:

— Сегодня в полночь. Я приду.

И он знал, что это решение изменит всё. Но он не позволил себе почувствовать это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.